

АРГУМЕНТЫ ИЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

1. А.Куприн «Гранатовый браслет» (рассказ)

Идея: Искусство способно пробудить в человеке новый душевный настрой.

Анализ

Героиня рассказа А.Куприна «Гранатовый браслет» Вера Николаевна, услышав Вторую сонату Бетховена, испытывает пробуждение нового душевного настроения, она понимает, что мимо неё прошла большая любовь, которая повторяется только один раз в тысячу лет. Соната созвучна с настроением героини, через музыку её душа соединяется с душой погибшего Желткова.

2. В.Астафьев «Домский собор» (рассказ)

Идея: Уединение с высокой, проверенной временем музыкой способно творить чудеса и исцелять душевные раны.

Краткое содержание

В зале, переполненном людьми, звучит органная музыка, от чего у лирического героя возникают различные ассоциации. Он анализирует эти звуки, сопоставляет их то с высокими и звонкими звуками природы, то с шипящими и низкими раскатами грома. В одночасье у него перед глазами возникает вся его жизнь - и душа, и земля, и мир. Он вспоминает войну, боль, потери и, пораженный звучанием органа, готов преклонить колени перед величием прекрасного. Несмотря на то что зал полон людей, лирический герой продолжает ощущать себя одиноким. Вдруг у него мелькает мысль: он хочет, чтобы все рухнуло, все палачи, убийцы, а в душах людей звучала музыка. Он рассуждает о людском существовании, о смерти, о жизненном пути, о значимости маленького человека в этом большом мире и понимает, что Домский собор - это место, где живет нежная музыка, где запрещены все рукоплескания и другие возгласы, что это дом тишины и спокойствия. Лирический герой преклоняет свою душу перед собором и от всего сердца благодарит его.

Анализ

Писатель старается сравнить звуки органа со своими мыслями. Он понимает, что все те ужасные воспоминания, боль, горе, мирская суэта и нескончаемые проблемы - все исчезло в одно мгновение. Настолько величественной силой обладает звучание органа. В этом отрывке утверждается авторская точка зрения о том, что уединение с высокой, проверенной временем музыкой способно творить чудеса и исцелять душевные раны, и именно это хотел в своем произведении сказать Астафьев. «Домский собор» по праву одно из его глубочайших философских произведений.

Сквозь строки произведения звучит органная музыка, и лирический герой вдруг понимает, что все те люди - злые, добрые, старые и молодые - они все растворились. Он ощущает в переполненном зале только себя и никого больше... И тут как гром среди ясного неба, героя пронзает мысль: он понимает, что в эту самую минуту кто-то, возможно, пытается уничтожить этот собор. В его голове роятся бесконечные мысли, а исцеленная звуками органа душа готова в одночасье умереть за эту божественную мелодию. Музыка прекратила звучание, но оставила неизгладимый отпечаток на душе и сердце автора. Он, находясь под впечатлением, анализирует каждый прозвучавший звук и не может не сказать ему просто «спасибо».

Лирический герой получил исцеление от накопившихся проблем, горя и убивающей суеты большого города.

3. К.Паустовский «Старый повар» (рассказ)

Идея: Искусство – это великая сила, которая способна совершать чудеса, осуществлять самые заветные желания человека. Искусство даёт людям возможность заново проживать прошлое, ощущать себя счастливым. Искусство очищает и духовно возвышает человека.

Анализ

Последняя сцена рассказа К.Паустовского «Старый повар» показывает, насколько всесильно настоящее искусство. Музыка, которую исполнял незнакомец на клавесине, оказала магическое воздействие на всех слушателей: музыкант был бледен, пес выбрался из своей будки и тихо потряхивал ушами, а слепой старик вдруг увидел молодую, смеющуюся Марту. В его памяти воскрес тот зимний день в горах, когда они впервые встретились. К.Паустовский сумел передать ощущения умирающего, уже ничего не ждущего от жизни человека, неожиданно соприкоснувшегося с прекрасной музыкой и своим прошлым.

К.Г.Паустовский пишет о великой силе искусства, которое способно совершать чудеса, об огромных возможностях, таящихся в музыке. На примере истории старого повара автор показывает, как искусство великого мастера помогло умирающему осуществить самое заветное желание – увидеть зримый образ любимой жены, вернуться на несколько мгновений в прошлое и заново прожить его, почувствовать себя счастливым, как много лет назад. Писателю удалось и нас, читателей, околдовать волшебством музыки Моцарта и убедить во всепобеждающей власти истинного искусства. Он убежден в том, что искусство очищает и духовно возвышает человека.

Фрагмент из рассказа

Тогда умирающий неожиданно улыбнулся и громко сказал:

— Я хотел бы ещё раз увидеть Марту такой, какой я встретил её в молодости. Увидеть солнце и этот старый сад, когда он зацветет весной. Но это невозможно, сударь. Не сердитесь на меня за глупые слова. Болезнь, должно быть, совсем сбила меня с толку.

— Хорошо, — сказал незнакомец и встал. — Хорошо, — повторил он, подошёл к клавесину и сел перед ним на табурет. — Хорошо! — громко сказал он в третий раз, и внезапно быстрый звон рассыпался по сторожке, как будто на пол бросили сотни хрустальных шариков.

— Слушайте, — сказал незнакомец. — Слушайте и смотрите.

Он заиграл. Мария вспоминала потом лицо незнакомца, когда первый клавиш прозвучал под его рукой.

Необыкновенная бледность покрыла его лоб, а в потемневших глазах качался язычок свечи.

Клавесин пел полным голосом впервые за многие годы. Он наполнял своими звуками не только сторожку, но и весь сад. Старый пёс вылез из будки, сидел, склонив голову набок, и, насторожившись, тихонько помахивал хвостом. Начал идти мокрый снег, но пёс только потряхивал ушами.

— Я вижу, сударь! — сказал старик и приподнялся на кровати. — Я вижу день, когда я встретился с Мартой и она от смущения разбила кувшин с молоком. Это было зимой, в горах. Небо стояло прозрачное, как синее стекло, и Марта смеялась. Смеялась, — повторил он, прислушиваясь к журчанию струн.

Незнакомец играл, глядя в чёрное окно.

— А теперь, — спросил он, — вы видите что-нибудь?

Старик молчал, прислушиваясь.

— Неужели вы не видите, — быстро сказал незнакомец, не переставая играть, — что ночь из чёрной сделалась

синей, а потом голубой, и тёплый свет уже падает откуда-то сверху, и на старых ветках ваших деревьев распускаются белые цветы. По-моему, это цветы яблони, хотя отсюда, из комнаты, они похожи на большие тюльпаны. Вы видите: первый луч упал на каменную ограду, нагрел её, и от неё поднимается пар. Это, должно быть, высыхает мох, наполненный растаявшим снегом. А небо делается всё выше, всё синее, всё великолепнее, и стаи птиц уже летят на север над нашей старой Веной.

— Я вижу всё это! — крикнул старик. Тихо проскрипела педаль, и клавесин запел торжественно, как будто пел не он, а сотни ликующих голосов.

— Нет, сударь, — сказала Мария незнакомцу, — эти цветы совсем не похожи на тюльпаны. Это яблони распустились за одну только ночь.

— Да, — ответил незнакомец, — это яблони, но у них очень крупные лепестки.

— Открой окно, Мария, — попросил старик.

Мария открыла окно. Холодный воздух ворвался в комнату. Незнакомец играл очень тихо и медленно.

Старик упал на подушки, жадно дышал и шарил по одеялу руками. Мария бросилась к нему. Незнакомец перестал играть. Он сидел у клавесина не двигаясь, как будто заколдованный собственной музыкой.

4. **К.Паустовский «Корзина с еловыми шишками»** (рассказ)

Идея: Искусство открывает человеку новый, потрясающе яркий, красочный, вдохновляющий мир. Оно способно всколыхнуть всю душу, открыть её еще не изведенную красоту, показать величие окружающего мира и ценность человеческой жизни.

Анализ

Великий композитор, герой рассказа К.Паустовского «Корзина с еловыми шишками», подарил дочери лесника свою музыку. Когда Дагни услышала её, она открыла для себя новый, потрясающе яркий, красочный, вдохновляющий мир. Чувства и эмоции, которые были незнакомы ей ранее, всколыхнули всю душу и открыли её глазам еще не изведенную красоту. Эта музыка показала Дагни не только величие окружающего мира, но и ценность человеческой жизни, потому что композитора к тому моменту уже не было в живых.

Фрагмент из рассказа

Концерт начался после обычного вечернего выстрела из пушки в порту. Выстрел означал заход солнца.

Несмотря на вечер, ни дирижер, ни оркестранты не включили лампочек над пультами. Вечер был настолько светлый, что фонари, горевшие в листве лип, были зажжены, очевидно, только для того, чтобы придать нарядность концерту.

Дагни впервые слушала симфоническую музыку. Она произвела на нее странное действие. Все переливы и громы оркестра вызывали у Дагни множество картин, похожих на сны.

Потом она вздрогнула и подняла глаза. Ей почудилось, что худой мужчина во фраке, объявлявший программу концерта, назвал ее имя.

— Это ты меня звал, Нильс? — спросила Дагни дядюшку Нильса, взглянула на него и сразу же нахмурилась.

Дядюшка Нильс смотрел на Дагни не то с ужасом, не то с восхищением. И так же смотрела на нее, прижав ко рту платок, тетушка Магда.

— Что случилось? — спросила Дагни.

Магда схватила ее за руку и прошептала:

— Слушай!

Тогда Дагни услышала, как человек во фраке сказал:

— Слушатели из последних рядов просят меня повторить. Итак, сейчас будет исполнена знаменитая

музыкальная пьеса Эдварда Грига, посвященная дочери лесника Хагерупа Педерсена Дагни Педерсен по случаю того, что ей исполнилось восемнадцать лет.

Дагни вздохнула так глубоко, что у нее заболела грудь. Она хотела сдержать этим вздохом подступавшие к горлу слезы, но это не помогло. Дагни нагнулась и закрыла лицо ладонями.

Скачала она ничего не слышала. Внутри у нее шумела буря. Потом она наконец услышала, как поет ранним утром пастуший рожок и в ответ ему сотнями голосов, чуть вздрогнув, откликается струнный оркестр.

Мелодия росла, подымалась, бушевала, как ветер, неслась по вершинам деревьев, срывала листья, качала траву, била в лицо прохладными брызгами. Дагни почувствовала порыв воздуха, исходивший от музыки, и заставила себя успокоиться.

Да! Это был ее лес, ее родина! Ее горы, песни рожков, шум ее моря!

Стеклянные корабли пенили воду. Ветер трубил в их снастях. Этот звук незаметно переходил в перезвон лесных колокольчиков, в свист птиц, кувыркавшихся в воздухе, в ауканье детей, в песню о девушке – в ее окно любимый бросил на рассвете горсть песка. Дагни слышала эту песню у себя в горах.

Так, значит, это был он! Тот седой человек, что помог ей донести до дому корзину с еловыми шишками. Это был Эдвард Григ, волшебник и великий музыкант! И она его укоряла, что он не умеет быстро работать.

Так вот тот подарок, что он обещал сделать ей через десять лет!

Дагни плакала, не скрываясь, слезами благодарности. К тому времени музыка заполнила все пространство между землей и облаками, повисшими над городом. От мелодических волн на облаках появилась легкая рябь. Сквозь нее светили звезды.

Музыка уже не пела. Она звала. Звала за собой в ту страну, где никакие горести не могли охладить любви, где никто не отнимает друг у друга счастья, где солнце горит, как корона в волосах сказочной доброй волшебницы.

В наплыве звуков вдруг возник знакомый голос. «Ты – счастье, – говорил он. – Ты – блеск зари!»

Музыка стихла. Сначала медленно, потом все разрастаясь, загремели аплодисменты.

5. **В. Короленко «Слепой музыкант»** (повесть)

Идея: Искусство помогает человеку найти себя, своё предназначение в жизни.

Анализ

Герой книги В. Короленко «Слепой музыкант» мальчик Петрусь родился слепым. Но благодаря искусству, а именно музыке, он не только не утонул в своём горе, но и нашёл своё место в жизни, став известным музыкантом.

Фрагмент из повести

И теперь, когда он играл какую-то итальянскую пьесу, с трепещущим сердцем и переполненной душой, в его игре с первых же аккордов сказалось что-то до такой степени своеобразное, что на лицах посторонних слушателей появилось удивление. Однако через несколько минут очарование овладело всеми безраздельно, и только старший из сыновей Ставрученка, музыкант по профессии, долго еще вслушивался в игру, стараясь уловить знакомую пьесу и анализируя своеобразную манеру пианиста.

Струны звенели и рокотали, наполняя гостиную и разносясь по смолкшему саду... Глаза молодежи сверкали оживлением и любопытством. Ставрученко-отец сидел, свесив голову, и молчаливо слушал, но потом стал воодушевляться все больше и больше, подталкивал Максима локтем и шептал:

- Вот этот играет, так уж играет. Что? Не правду я говорю?

По мере того как звуки росли, старый спорщик стал вспоминать что-то, должно быть, свою молодость, потому что глаза его заискрились, лицо покраснело, весь он выпрямился и, приподняв руку, хотел даже ударить кулаком по столу, но удержался и опустил кулак без всякого звука. Оглядев своих молодцов быстрым взглядом, он погладил усы и, наклонившись к Максиму, прошептал:

- Хотят стариков в архив... Брежут!.. В свое время и мы с тобой, братику, тоже... Да и теперь еще... Правду я говорю или нет?

Максим, довольно равнодушный к музыке, на этот раз чувствовал что-то новое в игре своего питомца и, окружив себя клубами дыма, слушал, качал головой и переводил глаза с Петра на Эвелину. Еще раз какой-то порыв непосредственной жизненной силы врывался в его систему совсем не так, как он думал... Анна Михайловна тоже кидала на девушку вопросительные взгляды, спрашивая себя: что это, - счастье или горе звучит в игре ее сына... Эвелина сидела в тени от абажура, и только ее глаза, большие и потемневшие, выделялись в полумраке. Она одна понимала эти звуки по-своему: ей слышался в них звон воды в старых шлюзах и шепот черемухи в потемневшей аллее.

XI

Мотив давно уже изменился. Оставив итальянскую пьесу, Петр отдался своему воображению. Тут было все, что теснилось в его воспоминании, когда он за минуту перед тем, молча и опустив голову, прислушивался к впечатлениям из пережитого прошлого. Тут были голоса природы, шум ветра, шепот леса, плеск реки и смутный говор, смолкающий в безвестной дали. Все это сплеталось и звенело на фоне того особенного глубокого и расширяющего сердце ощущения, которое вызывается в душе таинственным говором природы и которому так трудно подыскать настоящее определение... Тоска?.. Но отчего же она так приятна?.. Радость?.. Но зачем же она так глубоко, так бесконечно грустна?

По временам звуки усиливались, вырастали, крепили. Лицо музыканта делалось странно суровым. Он как будто сам удивлялся новой и для него силе этих неожиданных мелодий и ждал еще чего-то... Казалось, вот-вот несколькими ударами все это сольется в стройный поток могучей и прекрасной гармонии, и в такие минуты слушатели замирали от ожидания. Но, не успев подняться, мелодия вдруг падала с каким-то жалобным ропотом, точно волна, рассыпавшаяся в пену и брызги, и еще долго звучали, замирая, ноты горького недоумения и вопроса.

Слепой смолкал на минуту, и опять в гостиной стояла тишина, нарушаемая только шепотом листьев в саду. Обаяние, овладевавшее слушателями и уносившее их далеко за эти скромные стены, разрушалось, и маленькая комната сдвигалась вокруг них, и ночь глядела к ним в темные окна, пока, собравшись с силами, музыкант не ударял вновь по клавишам.

И опять звуки крепили и искали чего-то, подымаясь в своей полноте выше, сильнее. В неопределенный перезвон и говор аккордов вплетались мелодии народной песни, звучавшей то любовью и грустью, то воспоминанием о минувших страданиях и славе, то молодою удалью разгула и надежды. Это слепой пробовал вылить свое чувство в готовые и хорошо знакомые формы.

Но песня смолкала, дрожа в тишине маленькой гостиной тою же жалобною нотой неразрешенного вопроса.

XII

Когда последние ноты дрогнули смутным недовольством и жалобой, Анна Михайловна, взглянув в лицо сына, увидела на нем выражение, которое показалось ей знакомым: в ее памяти встал солнечный день давней весны, когда ее ребенок лежал на берегу реки, подавленный слишком яркими впечатлениями от возбуждающей весенней природы.

Но это выражение заметила только она. В гостиной поднялся шумный говор, Ставрченко-отец что-то громко кричал Максиму, молодые люди, еще взволнованные и возбужденные, пожимали руки музыканта, предсказывали ему широкую известность артиста.

- Да, это верно! - подтвердил старший брат. - Вам удалось усвоить самый характер народной мелодии. Вы сжились о нею и овладели ею в совершенстве. Но скажите, пожалуйста, какую это пьесу играли вы вначале?

Петр назвал итальянскую пьесу.

- Я так и думал, - ответил молодой человек. - Мне она несколько знакома... У вас удивительно своеобразная манера. Многие играют лучше вашего, но так, как вы, ее не исполнял еще никто. Это... как будто перевод с итальянского музыкального языка на малорусский, Вам нужна серьезная школа, и тогда...

Слепой слушал внимательно. Впервые еще он стал центром оживленных разговоров, и в его душе зарождалось гордое сознание своей силы. Неужели эти звуки, доставившие ему на этот раз столько

неудовлетворенности и страдания, как еще никогда в жизни, могут производить на других такое действие? Итак, он может тоже что-нибудь сделать в жизни.

6. Л.Н.Толстой «Альберт» (повесть)

Идея: Музыка способна преобразить исполнителя, а слушателей перенести в забытый ими мир прошлого, вызвать у них сильные эмоции.

Фрагмент из повести

Тем временем Альберт (так звали музыканта), не обращая ни на кого внимания, настраивал скрипку. Затем плавным движением смычка провёл по струнам. В комнате пронёсся чистый, стройный звук, и сделалось совершенное молчание.

Звуки темы свободно, изящно полились вслед за первым, каким-то неожиданно-ясным и успокоительным светом вдруг озаряя внутренний мир каждого слушателя. Из состояния скуки, суеты и душевного сна, в котором находились эти люди, они вдруг незаметно перенесены были в совершенно другой, забытый ими мир. В душе их возникали видения прошлого, минувшего счастья, любви и грусти. Альберт с каждой нотой вырастал выше. Он уже не был уродлив или странен. Прижав подбородком скрипку и со страстным вниманием прислушиваясь к своим звукам, он судорожно передвигал ногами. То он выпрямлялся во весь рост, то старательно сгибал спину. Лицо сияло восторженной радостью; глаза горели, ноздри раздувались, губы раскрывались от наслаждения.

Все находившиеся в комнате во время игры Альберта хранили молчание и, казалось, дышали только его звуками. Делесов испытывал непривычное чувство. Мороз пробежал по его спине, все выше и выше подступая к горлу, и вот уже что-то тоненькими иголками кололо в носу, и слезы незаметно лились на щеки. Звуки скрипки перенесли Делесова к его первой молодости. Он вдруг почувствовал себя семнадцатилетним, самодовольно-красивым, блаженно-глупым и бессознательно-счастливым существом. Ему вспомнилась первая любовь к кузине, первое признание, жар и непонятная прелесть случайного поцелуя, неразгаданная таинственность тогда окружавшей природы. Все не оценённые минуты того времени одна за другой восставали перед ним. Он с наслаждением созерцал их и плакал...

Краткое содержание <https://briefly.ru/tolstoi/albert/>

7. В.П.Астафьев «Гимн жизни» (рассказ)

Идея: Искусство придаёт человеку силы, пробуждает в нём желание жить.

Рассказ

Лина уже полмесяца жила в Москве. Жила? Нет, не жила, доживала.

Она постоянно разделяла слово «жизнь» надвое, но ничего не получалось. Ей хотелось, очень хотелось отделить жуткую приставку «до», выбросить ее вон. Зачем к такому замечательному, всеобъемлющему слову какие-то приставки? И все-таки она была, эта приставка, и все время, как биение сердца, отдавалась эхом в груди, в голове, в каждом мускуле, в каждой клеточке «до», «до», «до»...

Доживать в двадцать лет! Как это нелепо, нескладно, страшно.

Она училась в медицинском институте. Она уже кое-что знала. Знала, может, и не так много, но уже столько, что ее нельзя было обмануть. А ее пытались обмануть. По каким-то, еще в древности рожденным законам медицины, ей не говорили, что она обречена и скоро умрет...

Мать, как и многие русские матери, рано состаренная войной, отец-инвалид, научившийся чертить одной рукой и заново сделавшийся конструктором, узнали о том, что их дочь смертельно больна, раньше ее. Они тоже пытались таиться и держаться бодро. Зачем? Разве можно это скрыть? Они были жалки и несчастны еще больше, они ничего не могли скрыть.

Однажды — это было ночью, это было после того дня, когда в доме выставили зимние рамы, Лина встала и, шлепая, как в детстве, босыми ногами, отправилась к родителям в спальню, легла между ними и они, напуганные, освободили ей место, потом придвинулись оба, разом обняли. Первая заплакала мать, отец со скрипом сглатывал и сглатывал слюну, обрубок его правой руки больно тыкался Лине в бок.

— Отправьте меня с Москву, — потребовала Лина, когда мать обессилела от слез, отец перестал скрипеть горлом.

— Хорошо, хорошо, доченька, мы поедем все вместе в Москву.

— Нет, я хочу одна...

И они согласились. Они теперь соглашались с нею во всем. Они потакали любому ее капризу. Они не могли иначе.

И вот она уже полмесяца в Москве. Живет, ходит, смотрит. Она сказала родителям, что будет лечиться. И они обрадовались, поверили ей, ждали чуда. А она хотела только смотреть, дышать и ни о чем не думать.

Но не думать было нельзя.

Забиться было невозможно.

Она ходила в театры, и там почти в каждой опере, в каждом балете, в каждой драме показывали смерть. Мир вечно разделен на два полюса: жизнь и смерть. В эти понятия, между этими полюсами в два коротких слова вмещалось все.

Люди очень любили и любят смотреть на смерть. О смерти они сочинили самые потрясающие книги, создали самую великую музыку, сняли до озноба жуткие кинокартины, написали еще более жуткие полотна.

В Третьяковке почти на половине картин изображалась смерть, и люди часами стояли возле царя, убившего сына, возле верещагинской панихиды, возле утопленницы, возле безумной княжны Тарakanовой и умирающего безвестного арестанта; люди часами в длинной очереди медленными шажками продвигались к Мавзолею, чтобы взглянуть на умершего человека; толпами ходили по Ваганьковскому и Новодевичьему кладбищам меж густо и тесно сдвинувшимися могилами.

Может быть, они глядели на все это спокойно оттого, что им не мерещилась близкая смерть, не знали, когда умрут? Может быть. Лина уже устала глядеть на смерть, устала думать о ней и однажды пошла в зоопарк. Но и тут ей не понравилось, жалко было попрошаек медведей, зады у которых были вытерты и голы оттого, что они часто на потеху людям усаживались и «служили» за конфетку, за кусок булки; жалко сонных, полуоблезлых хищников, которых она никогда нигде не видела, но с детства привыкла бояться. Они были совсем-совсем не страшны — эти засаженные в клетку клыкастые звери. Еще больше не понравились ей змеи, приклеивающиеся к стеклянным стенам, шевелящие раздвоенными языками и зло плюющие ядовитыми зубами через стекло в посетителей. Какая-то женщина сказала явную глупость, глядя на ящериц, крокодилов и змей: «Я никогда не смогла бы жить там, где живут такие гады». — «А я хоть в клетке согласна», — поддакнула той глупости Лина и быстро побежала по дорожке вон из зоопарка.

«Жить!»

Опять это слово. Везде это слово.

Она бежала вдоль забора, увидела вход в другую ограду, проскочила мимо тетки, разомлевшей под солнцем, упала на скамью, отдышалась и стала оглядываться. В последнее время ее все больше и больше охватывала усталость. Она уже не могла бродить целыми днями по Москве. Ее тянуло полежать. Но она боялась постели, пересиливала себя, бродила, бродила, и так ей хотелось крикнуть, остановившись среди площади, в толпе:

— Люди! Добрые мои люди! Я скоро умру. Зачем?

Глобус. Синий глобус, в желтом блестящем обруче, карты неба, трассы спутников. Лина догадалась — она попала в ограду планетария.

«Планетарий так планетарий, все равно», — подумала она и пошла вовнутрь здания, купила билет. Экскурсоводы рассказывали о метеоритах, о смене дня и ночи, времен года на Земле, ребятишки главели на макеты спутников и на ракету. Вдоль карнизов тянулись изображения звезд, и Лина содрогнулась, увидев звезду с тем же названием, как и болезнь, от которой она должна была умереть. Нелепая звезда, нелепое изображение. Кто его придумал? Стиснув зубы двинулась она наверх, очутилась в куполе планетария.

Доедая мороженое и потихоньку бросая бумажки под сиденья, люди ждали лекции.

Погас свет, и зазвучал голос лектора. Он рассказывал о Вселенной. На сиденьях шумели и возились ребятишки. Невидимый в темноте, лектор призвал посетителей к порядку и продолжил свое дело.

На небе планетария появились кинокадры: представление древних людей о строении мира, портреты Галилея, Джордано Бруно, фигура церковника, преградившего путь науке и познанию.

И здесь, как в театре, как в кино, как в Третьяковке, показывалось все то же: за смелость, за то, что люди не хотели подчиняться законам и говорили то, что они думали, их сжигали на огне, ломали им ребра, бросали в темницы. Властители никогда не терпели тех, кто был умнее и смелее их. Они придумали слово: выродки. И вместо того, чтобы бороться против войн, страданий, болезней, люди сами плодили смерть, тысячелетиями насильственно умертвляли друг друга.

В Америке — у нас-то ничего не рвется! — взорвалась головка водородной бомбы. Хорошо только головка. А если бы бомба? Она взорвала бы другие бомбы — и Нью-Йорка, этого самого крупного в мире города, не стало бы. Возможно, это было бы началом самой страшной войны, и все-все: звери на воле и в клетках, змеи в стеклянных коробках, властители и простые люди, царь, убивший сына, дети, спешно долизывающие мороженое, все-все может умереть, исчезнуть. Куда? Никто на это ответить не может и не хочет.

Люди любят смотреть на смерть, но не любят о ней думать.

А по небу планетария летело небесное светило — солнце. Солнце, дающее всему жизнь. Оно проходило по игрушечному небу, над игрушечной Москвой, и само солнце было игрушечным. Оно закатилось за зубцы домов, зал погрузился в темноту. Было жарко. Лина махала газетой возле лица, думала о том, как долго еще находиться ей в этом душном зале?

И вдруг купол над ней зацвел звездами. Такими же звездами, какие она привыкла видеть с тех пор, как научилась видеть. И откуда-то с высот, нарастая, ширясь и крепчая, полилась музыка.

Лина слышала эту музыку не раз. Она даже знала, это музыка Чайковского, на мгновение увидела сказочных лебедей и темную силу, подстерегающую их. Нет, не для умирающих лебедей была написана эта музыка. Да и написана ли? Музыка звезд, музыка вечной жизни, она, как свет, возникла где-то в глубинах мироздания и летела сюда, к Лине, долго-долго летела, может, дольше, чем звездный свет.

Звезды сияли, звезды лучились, бесчисленные, вечно живые звезды. Музыка набирала силу, музыка ширилась и взлетала к небу все выше, выше. Рожденный под этими звездами человек посылал небу свой привет, славил вечную жизнь и все живое на земле.

Звезды, вечные звезды, как вы далеки и как близки! Да разве есть такая сила, которая могла бы погасить вас, заслонить небесный свет? Нет такой силы и не будет! Люди не захотят, не могут захотеть, чтобы звезды погасли в их глазах.

Музыка уже разлилась по всему небу, она достигла самой далекой звезды и грянула на весь необъятный поднебесный мир.

Лине хотелось вскочить и крикнуть:

— Люди, звезды, небо — я люблю вас.

Вскинув руки, она приподнялась с сиденья и устремилась ввысь, повторяя заклинание:

— Жить! Жить!

А над ней гремела музыка. Гимн, прославляющий жизнь.

И от этой музыки трепетали живые звезды, до которых было рукой подать.

8. Рэй Брэдбери «Улыбка»

Идея: Не каждый человек способен по достоинству оценить произведение искусства. Для этого нужно обладать сердцем, чутким к прекрасному.

Краткое содержание

Стремление крушить и уничтожать прочно засело в человеке. Особенно, если дать ему волю. Особенно, если в прошлом было несладко и нужно во что бы то ни стало отомстить тому, что причиняло боль. В рассказе Рэя Брэдбери «Улыбка» объектом для такого безумного мщения является цивилизация. Ненависть к ней у людей, живущих в две тысячи шестьдесят первом году, проявляется и в дикой радости, когда представилась возможность разбить последний автомобиль кувалдой (они даже бросали из-за этого жребий), и в безумном смехе, когда рвали и жгли книги на площади... Никто не видит доброго в цивилизации и не помнит её без войны. Люди присутствуют на своеобразном празднике безумия и ненависти — ко всему прекрасному, к культуре вообще. Внимание жителей города приковано к картине. Еще с пяти часов утра образовалась длинная очередь. Зачем? Чтобы полюбоваться на произведение искусства? Отнюдь нет! Чтобы... плюнуть в неё! В очередь стал маленький мальчик по имени Том. Он единственный, кто видит в картине хорошее: «Говорят, она улыбается...», «Говорят, она сделана из краски и холста».

Кто-то в толпе выразил мнение, что найдется человек, у которого душа лежит к красивому... Подошла очередь Тома. Он колебался. Не было желания плевать и осквернять картину (как мальчик узнал позже, её звали «Мона

Лиза»). И вдруг верховой объявил, что каждый желающий может поучаствовать в уничтожении холста. Толпа ринулась на картину с диким воем, увлекая за собою и мальчика. Еще немного – и кусок холста оказался у Тома в руках. Он видел неистовавших безумцев, пинающих и разрывающих картину в мелкие клочья.

Мальчик бежал через весь город, пока снова не очутился дома. Здесь все то же: недовольство отца, брата, которому пришлось одному работать на огороде, матери. Серая обыденность. Но Том держит настоящую драгоценность. Это улыбка, лежащая на его ладони и согревающая своей добротой и лаской. И это – надежда, что все еще может измениться к лучшему.

Анализ

Брэдбери ясно видел, как люди, окружая себя новинками техники, забывают о доброте, любви и уже не могут общаться с природой, удивляться мелочам. Мальчик Том – это образ невинного и неиспорченного ребенка с душой, созданный писателем для надежды, что еще не все потеряно. Даже для города, зараженного радиацией, изрытого воронками бомб, с разрушенными домами. Даже для тех, которые считают, что война начнется снова (не успеешь и глазом моргнуть). Потому что есть на свете маленький человечек, способный искренне радоваться улыбке, который, несмотря на воздействие политических, социальных или идеологических причин, сумел сохранить доброе и светлое в своей душе, оставшись чутким к прекрасному.

АРГУМЕНТЫ ИЗ ЖИЗНИ

1. В **фильме Джорджа Клуни «Охотники за сокровищами»** речь идёт об организации, известной как «Отдел по спасению памятников, произведений искусства и архивов». Сотрудники этой организации, созданной в 1943 году президентом США Франклином Рузвельтом, вернули законным владельцам и в музеи множество культурных ценностей, похищенных нацистами. Спасённые произведения искусства не утратили своей ценности на протяжении столетий.

Идея: Произведения искусства являются народным достоянием, важнейшими духовными ценностями, которые нужно сохранять и передавать другим поколениям.

2. Удивительная женщина, **художник Евфросинья Антоновна Керсновская** 12 лет провела в сталинском лагере. После выхода из него она начала зарисовывать этот период жизни, чтобы освободиться от тех тяжёлых воспоминаний. Целых двенадцать общих тетрадей были зарисованы ею в 60-х годах прошлого века. В 1991 году они вышли отдельной книгой, названной «Наскальная живопись». Глядя на эти рисунки, которые появились на свет так давно, где-то глубоко внутри ощущаешь, насколько сильно искусство помогло этому потрясшему художнику и просто благородной женщине выжить.

Идея: Искусство помогает человеку выжить, преодолеть трудности и невзгоды.

3. **Художник Борис Свешников** долгое время находился в заточении. Альбомы его были нарисованы в неволе, но они были не о лагере, не о той жизни, которой он жил тогда, – они были фантастическими. Он изображал какую-то вымышленную реальность и необыкновенные города. Тоненьким пёрышком он создавал в своих альбомах параллельную, загадочную жизнь. И впоследствии эти альбомы стали свидетельством того, что его внутренний мир, фантазирование, творчество спасли ему жизнь в этом лагере. Он выжил благодаря настоящему искусству.

Идея: Искусство помогает человеку выжить, преодолеть трудности и невзгоды.

4. **Художник, Михаил Соколов**, будучи посаженным в тюрьму за экстравагантный вид, пытался искать свободы и спасения в творчестве. Он рисовал цветными карандашами, а порой и огрызками карандашей маленькие картиночки и прятал себе под подушку. И эти маленькие фантастические рисунки Соколова в каком-то смысле грандиозней, чем некоторые огромные картины, написанные иным художником в светлой и комфортной мастерской. Можно изображать реальность, а можно изображать фантазии. И в том и в другом случае то, что ты переносишь из своей головы, из души, из сердца, из памяти на бумагу, освобождает тебя, выпускает на волю, даже если вокруг – тюремные решётки.
Идея: Искусство даёт человеку ощущение свободы, помогает выжить, преодолеть трудности и невзгоды.